

☆ ВСПОМИНАЕТ

ВETERАН

БОЙ

Имя Николая Николаевича Косыгина известно многим в нашем селе. Ветеран села, ветеран связи, ветеран войны...

Остались за плечами десятки нелегких лет, наполненных горем и радостью, ожиданиями и свершениями...

Чем живут сейчас ушедшие на отдых ветераны? Заботами и хлопотами, присущими всем людям. И еще воспоминаниями о давно ушедшем времени, времени, полном грозных предчувствий, лишений, тяжких испытаний войны, выпавших на их долю. Тяжелы эти воспоминания, но идут они из сердца легко и плавно, как давно отблевшая боль...

«...Сколько же ушло на ту войну с Камчатки? Кто считал...

Одно знаю, — раньше на всем западном побережье только у нас в районе через каждые два-три километра стояли рыбозаводы — Ичинский, Облуковинский, Крутогоровский, Колпаковский, на Кунжике, Соболевский, Пымтинский, Кихчикский. Их, правда, больше под номерами знали. И работало там много мужчин. Как началась война, — опустели заводы. И почти всех взятых отсюда оставляли на Камчатке.

Ушел на войну и я с Камчатки, на ней и остался. В день 22 июня, когда Левитан по радио объявил о начале войны, я работал в Уссурийске, на телеграфе. Помню, всех очень взволновала эта весть, многие плакали... Скоро я подал заявление в горвоенкомат, чтобы меня досрочно взяли на фронт. «Будем иметь в виду, пока работайте, понаблюдайте, — вызовем», — такой вот получил ответ.

Работал. Было напряженное время. А в армию меня пока не брали. Дальше судьба моя сложилась так: попал я к тетке Матрене в Усть-Большерецк. Там и призвали.

...Шли в Петропавловск пешком. Ночевали в попутных селах, на третий день пришли в Начики. Туда за нами машины прислали, увезли в гарнизон. Всем интересно — как будем дальше жить? А дальше наступила солдатская жизнь. Началась она со стрижки и бани.

Потом пришла для меня особая пора. Я попал в 279 легкоартиллерийский полк в радиоотделение. Работать начал на ключе, вроде ничего, получается. Но там уже знали, что у меня отец «враг народа»... За мной постоянно следили... Я это чувствовал... И со временем с радиоотделения меня убрали.

Сейчас вот думаю: кому и что я мог в ту пору передать?! Обидно было... И все же про себя я решил: где бы я ни был, куда бы меня не поставили, сделаю все возможное, чтобы быть отличным бойцом, доказать, что я не враг...

Поставили меня в орудейный расчет, номером. Я был молод, всем интересовался и... помнил свое решение.

Была такая штука на пушке — панорама. Решил я с ней разобраться. И днем учил, и после отбоя с собой под одеяло

брал, тренировался. И за короткое время ее освоил. Видя, что у меня получается, стали к панораме допускать, потом перевели на второе орудие. А на первом в то время был наводчиком парень по фамилии Янгolenko. Он и стал моим хорошим учителем. Янгolenko, видя мои желания и охоту постичь дело наводчика, все мне отдавал — знания свои, опыт. Очень скоро мои занятия с ним перешли в соревнования. На батарее ребята шутили: вот сошлись, теперь начнется! Мой учитель был старше меня, опытнее, работал мастерски, что и говорить. И всегда опережал меня на две-три секунды, но моя наводка оказывалась точнее...

3 А

В нашей дивизии проводились маневры. А надо сказать, что для учебных стрельб снарядов нам не давали, каждый берегали, даже холостой. Поэтому как обходились они дорого, японцы наши суда к берегам Камчатки не пропускали, топили... Получил наш расчет команду, стал я наводить. И первым же выстрелом в квадрате цели сшиб березку, так получилось... И тут команда по цепи: «Отставить! Наводчика к генерал-майору Дьякову!» Испугался я. Иду, думаю, ну попадет... А он мне... личную благодарность, и всему расчету тоже. И стрелять больше не дали, убедились в точности наводки и поражения. А меня вскорости перевели на первую батарею. И она еще долго на всех учениях и маневрах оставалась первой...

Дивизион рос, пополнялся новыми силами. Менялись и номера батарей. На войну я попал в составе 9-й батареи 3-го дивизиона. До высадки на остров Шумшу я и пострелять успел, и многому чему другому научиться. Но главное, что понял тогда, — как важно братство, поддержка, взаимопомощь. И что они значат для парней, оторванных от домов и семей...

...В ночь на 18 августа были мы в поле, на оборонных позициях. Ожидали японцев. Разведка у них работала точно. Но и наша не спала. Знали у нас, что они готовятся к высадке в районе Халактырки. Там удобные плесы со стороны океана... И вдруг нас снимают и на марш, напрямик на город.

...Провожало нас в порт много горожан. Нам тогда странным показалось, что о нашей посадке на суда знают так много людей. Как оказалось потом, и среди горожан были японские осведомители. Как бы мы не скрытничали, многие о нас все знали — где были, что делали...

Знали японцы и о нашей посадке (в этом мы вскоре убедились). Но одного они не знали наверняка — где и когда будем высаживаться.

...Еще за два дня до нашего десанта разведчики-моряки ходили во второй, как мы его называли, пролив, между островами Шумшу и Парамушир. Их японцы обстреливали. Нас ждали. На Шумшу со стороны Камчатки у них были отлич-

ные оборонительные сооружения — траншеи, доты, подземные ходы, много бетонированных укрытий... Появление наших эсминцев их насторожило, видимо, решили, что те появились не зря. Во втором проливе и началась высадка десанта. К нему спешно стянули силы... А там, где нас не ждали, оставили сторожевиков...

Одна батарея нам в первый час очень мешала, много бед наделала... Но и те, что остались на укрепленном берегу, были сильны, защищены, а мы — как на ладони... Японцы встретили наших моряков таким перекрестным огнем! Немногие успевали коснуться твердой земли...

В нашем призыве было немало камчадалов и все они не умели плавать, — учиться было нигде. Это обстоятельство многих и погубило. Да разве только это! Кунгасы и баржи десантные близко к берегу подойти не смогли, вот ребята кто с чем за плечами, — с разобраным оружием, со снарядами — прыгали в воду и уходили под нее. Ведь груз на них — готовый якорь! Пока он там болтается, глядишь и захлебнулся. Многих минометчиков в эти минуты не досчитались... Потом

ОСТРОВА

дошло: бросали свои плиты и трубы и сами следом в воду. Со дна доставали и под водой по дну к берегу идут, только вода пузырится... Много погибло при высадке ребят, не одна сотня.

Вспоминая именно эти минуты, я почему-то очень точно запомнил такой факт: водителю десантной баржи снарядом оборвало руку, кровь хлещет, а он рану зажал и одной рукой довел баржу до парохода, людей принял и обратно к берегу повел... И высадить всех успел. Потом упал... Умер от потери крови, а своих первых, ушедших на берег, поддержал, в этом свой долг видел. И погиб на посту. Жаль, фамилию его я не знаю, тогда не до того было...

...Мы, артиллеристы, высаживались в последнюю очередь — находились в резерве главного командования. Помню, подвели кунгас. Как только опустили на него орудие, так он и пошел на дно... Все кричат, а сделать ничего не могут. Потом уже самоходная баржа подошла. На берегу высадились, а вокруг стреляют, пули свистят, снаряды рвутся, грохот стоит такой... и море шумит. Все стреляют, а нашему орудью и пострелять не пришлось. Пошли на пехотинцев японские танки, легкие, без брони. Их встретили пулеметчики и наши «сорокопятки»... Орудия и у нас, и у японцев были старого образца, на деревянных колесах, еще в первую мировую завезены на Камчатку.

Что еще помню? Много боли и горя. Убитых на этом острове оставили мы много... И как светлый луч, как проблески среди боли, — час когда японцы объявили о капитуляции. Это слово до сих пор видится мне в белом флаге...».